

Михаил Соколов

Проблема консолидации академического авторитета в постсоветской науке: случай социологии

Представим себе, что соответствующее министерство возглавил чиновник, ставящий главной целью своего земного существования обеспечить мировое лидерство российской науки. Сравнивая желаемое с действительным, он неизбежно пришел бы к выводу о необходимости глубоких реформ. Российская наука сегодня не только не набирает веса, но и продолжает терять позиции, приобретенные прежде¹. Если мысли нашего чиновника потекут по тому руслу, по которому обычно текут мысли его коллег по всему миру, то он придет к выводу, что основная проблема состоит в неэффективности системы распределения ресурсов среди ученых. Вероятно, он скажет себе, что наибольшей отдачи можно достичь, если максимум возможностей будет сконцентрирован в руках наиболее одаренных, а талант и достижения (и только талант и достижения) все-

Михаил Михайлович Соколов
Европейский университет
в Санкт-Петербурге /
Государственный университет —
Высшая школа экономики
(Санкт-Петербургский филиал)

¹ Этот факт неоднократно упоминается в отчетах реального, не воображаемого, Министерства образования и науки — например, со ссылкой на продолжающееся сокращение количества публикаций российских авторов в ведущих научных журналах по версии ISI — с 2,9 % в 2000 г. до 2,1 % в 2005 [Министерство 2007: 44].

гда будут получать своевременное вознаграждение. Остается решить чисто техническую, на первый взгляд, задачу — как выделить наиболее одаренных и идентифицировать наиболее важные достижения?

Именно здесь и возникают основные проблемы. Герой нашей истории, вероятно, предполагает — как и большинство представителей западных обществ, кроме немногочисленных почитателей Фейерабенда и Латура, — что только сами ученые могут по достоинству оценить достижения своих коллег. Именно от них надо ждать разъяснений, кто чего стоит в академическом мире, благо известно, что ученые постоянно распределяют между собой всевозможные статусные символы, которые и должны служить для непосвященных объяснениями такого рода. Но, взглядевшись внимательнее в подобные символы и узнав, что о них думают сами люди науки, чиновник будет обескуражен.

Существуют ученые степени, которые делят академический мир на докторов наук, кандидатов наук и всех остальных. К несчастью, исследования «рынка диссертационных услуг» [Калимуллин 2006] или однократное посещение сайта, предлагающего «диссертации под ключ», способны раз и навсегда подорвать веру в то, что обладание степенью означает наличие каких-либо научных заслуг. Разговоры с учеными только усиливают подобные сомнения. Из уст самих остепененных чиновник мог бы услышать высказывание вроде этого: *я немного неудобно себя чувствую по поводу того, что защитил [докторскую диссертацию]. Ну, сейчас есть мнение, что кандидатская — это надо, а докторские защищают только администраторы, у которых есть выходы на советы, а настоящим ученым это не нужно.* То же самое касается любых других символов академического ранга, от университетских дипломов (по поводу которых у чиновника, впрочем, вряд ли изначально есть какие-то иллюзии) до членства в Академии наук (относительно которой ему неизбежно будет рассказано, что, например, *большая часть избранных туда по социологии — вообще не социологи, а Бог знает кто*)¹.

¹ Курсивом выделены цитаты из интервью. Сведущий в социологии читатель может сам проверить, до какой степени список членов и членов-корреспондентов РАН соответствует его/ее представлениям об академических достижениях, вначале составив собственный список из 13 персоналий, достойных высшего символа почета, а затем сравнив его со следующим: Арутюнян Ю.В., Бойко В.И., Горшков М.К., Дмитриев А.В., Жуков В.И., Заславская Т.И., Иванов В.И., Кузнецов В.Н., Лапин Н.И., Осипов Г.В., Руткевич М.Н., Тощенко Ж.Т. (взяв список академиков и членкоров на начало мая 2008 г. по секциям Философии, социологии, психологии и права и Экономики (Заславская), указавших социологию в качестве одной из областей своей специализации). Недоброжелатели также могут рассказать нашему чиновнику множество порочащих репутацию Академии анекдотов,

Попробовав зайти с другой стороны, чиновник может начать искать признанных ученых в правлениях и президиумах профессиональных ассоциаций. Поскольку их члены избираются голосованиями, в которых участвуют массы людей науки, можно предположить, что избранные обладают общепризнанной репутацией. Однако и здесь найдутся поводы для сомнений. Окажется, что во многих дисциплинах параллельно существует несколько профессиональных ассоциаций, иногда открыто конфликтующих друг с другом, но ни одна из них все равно не включает в себя большинства ученых. Так, существуют многочисленные ассоциации социологов (Российское общество социологов (РОС), Российская социологическая ассоциация (РоСА), Сообщество профессиональных социологов (СоПСо), Союз социологов России (ССР), Русское социологическое общество М.М. Ковалевского и другие), имеющие разные политические и интеллектуальные пристрастия¹. В зависимости от того, какую ассоциацию чиновник выберет, он получит разный набор «выдающихся ученых».

Обратившись к западному опыту, чиновник может попробовать опереться на индексы цитирования, которые, предположительно, позволяют наиболее точно оценить подлинную степень интеллектуального влияния. Однако здесь возникает та же проблема, что и с ассоциациями: результат будет полностью предопределен исходным выбором журналов, цитирование в которых предполагается изучать. Возвращаясь к социологическому примеру, статьи людей, называющих себя социологами, выходят в нескольких сотнях периодических изданий, большая часть которых издается каким-то одним учреждением и имеет собственный круг авторов, в основном в этом же учреждении и работающих. Их сотрудники заносят статьи редакторам «своих» журналов, читают только эти журналы и соответ-

например о том, как легко крупные политики в последние десятилетия становились академиками — иногда в течение пяти лет после получения заочно высшего образования. На последних выборах в РАН к перечисленным выше двенадцати присоединился тринадцатый академик. Им стал некто Владимир Шульц, чья карьера ученого причудливо переплеталась с его же карьерой офицера ФСБ. Не совсем неожиданным образом ни один из доступных индексов цитирования (РИНЦ, SSCI, Scopus) не выдает на российского социолога по фамилии «Шульц» вообще ни одной ссылки (автор благодарен Наталье Деминой, которая обратила его внимание на это чудесное приобретение Академии).

¹ Получившее, вероятно, наибольшую известность столкновение между российскими научными ассоциациями было вызвано продолжающимся конфликтом вокруг декана социологического факультета МГУ Добренкова, известного своими крайне консервативными политическими взглядами. Декан был обвинен в плагиате и исключении студентов по политическим мотивам. РОС приняло заявление, выразившее озабоченность сложившейся ситуацией и призвавшее ректора МГУ Садовниченко принять меры по ее «нормализации», а члены его Правления публично призывали к увольнению Добренкова. В это же время РоСА, президентом которой являлся Добренков, решительно высказалась в его защиту. Обе ассоциации заклеили друг друга как обслуживающие политические интересы своих руководств.

ственно ссылаются на других ученых, находящихся в том же «пространстве внимания». Выбор «Вестника N-ского университета» в качестве издания, цитирование в котором учитывается, автоматически обеспечивает преподавателям этого университета приличный индекс, а его исключение — автоматически сокращает их показатели, иногда до нулевой отметки¹. Можно было бы включить все социологические издания, но это приведет сразу к двум трудноразрешимым проблемам:

а) сложно отделить социологическую периодику от несоциологической и даже вовсе неакадемической (должны ли быть учтены цитирования в «Неприкосновенном запасе» или «Эксперте»?);

б) очевидной контрстратегией со стороны ученых будет создание «цитатных картелей», члены которых будут ссылаться друг на друга, и в этом соперничестве победят наибольшие по размерам группы с самой жесткой внутренней организацией — вовсе не обязательно коллективы с наибольшим творческим потенциалом.

В полном отчаянии наш чиновник может обратиться к западной науке, предположительно доказавшей свою способность справляться со всеми этими проблемами. Что если взять признание в Европе и США за основной показатель достижений, просто раздвинув область действия их статусной системы? Некоторая часть социальных ученых в России, включая большую часть вероятных читателей этой статьи, безусловно, приветствовала бы такое решение. Однако оно само по себе чревато некоторыми проблемами.

Во-первых, «международное признание» является куда более расплывчатой категорией, чем кажется на первый взгляд. Системы статусных символов англо-американской, французской и германской наук (беря только три важнейших случая) далеко не эквивалентны, и остается неясным, как должен осуществляться выбор одной из них. Более того, неясно, каким именно символам признания следует отдать предпочтение. Индексам

¹ Несколько цифр, характеризующих опять же социологию. Доля авторов, представляющих учреждение, издающее журнал, превышает 90 % для большинства «Вестников» (25 из 58 журналов, включенных в список ВАК по социологии, относятся к этой категории), составляет 35–40 % для нескольких крупных изданий («Социологический журнал», «Журнал социологии и социальной антропологии») и опускается до 10–15 % лишь в старейшем «СОЦИСе», причем даже в «СОЦИСе» доля авторов из Москвы составляет всего 47 % (в «СоцЖуре» также 47 %, количество авторов из Петербурга в ЖССА — 61 %). При этом доля ссылок на публикации «СОЦИСа» в «СОЦИСе» составляет в последние годы 65 % (от всех ссылок на журналы), а на публикации в любом другом отдельном издании не превышает 4 %. В остальных журналах наблюдается сходная картина. Цифры любезно предоставлены автору Катериной Губой (ЕУСПб), занимающейся исследованием журнальной системы российской социологии.

цитирования? Совокупному бюджету совместных исследовательских и образовательных проектов? Регулярному участию в международных конференциях и многолетней представленности в правлениях международных ассоциаций? Неожиданно для многих эти критерии — по крайней мере, в случае с социологией — дают разные списки «признанных ученых»¹.

Во-вторых, общая степень интернационального признания российских социальных ученых слишком низка для того, чтобы из нее можно было извлечь какие-либо руководства к действию в рамках существующих институтов. Из тех, кого с грехом пополам (какой бы критерий ни был избран) можно назвать «международно признанным», не удалось бы набрать и одного полновесного диссертационного совета. В-третьих, даже весьма непатриотично настроенные ученые могут усмотреть в этом решении известные теоретические дефекты. Если мы признаем, что социальные теории обязаны своим появлением конкретному социальному контексту и что целью их создания является просвещение тех, кто погружен в этот же контекст (а с этим, вероятно, согласится большинство современных социологов), то предложение придать характер окончательного вердикта оценкам, исходящим из совершенно иного контекста, теряет убедительность².

Не найдя каких-то готовых индикаторов, полагаясь на которые можно вычислить уровень достижений ученых, чиновник мог бы попробовать создать новые. Фактически Минобрнауки и РАН проделали много работы в этом направлении, производя на свет всевозможные рейтинги вузов и институтов, основанные на показателях, которые, по мнению правительственных экспертов, позволяли компенсировать обнаружившиеся слабые места наиболее распространенных способов оценки академических достижений³. Сама лихорадочная интенсивность этих

¹ Разные типы международного сотрудничества предъявляют разные минимальные требования к своим участникам и соответственно вовлечены в них оказываются совершенно разные люди. Команды, проводящие сравнительные исследования, нуждаются в налаженной машине по проведению опросов и отдают предпочтение директорам исследовательских центров с хорошей сетью интервьюеров, образовательные учреждения — деканам больших и стабильных факультетов, редакторы журналов и издательств — авторам, пишущим на интересные для потенциальных читателей темы, а профессиональные ассоциации — энергичным индивидам с большими коммуникативными навыками и способностью вести обширную переписку. Отдельные ученые и организации, которые совмещали бы в себе все эти достоинства, однако, практически не встречаются, и все символы признания никогда не совмещаются в одних руках.

² Обширная литература по «академической зависимости» и «культурному империализму» содержит значительное количество аргументов в поддержку этого тезиса (напр. [Alatas 2003]).

³ Три широко известных примера — рейтинг университетов, созданный РосОбрНадзором, система «показателей результативности научной деятельности» (ПРНД), введенных Академией наук,

поисков, однако, выдает растерянность, которую бюрократы от науки испытывают перед лицом возникшей проблемы.

Далее делается попытка представить проблему нашего чиновника в формальном виде, который позволил бы рассмотреть ее в более широком сравнительном контексте и, возможно, даже сделать несколько практических выводов.

Кристаллические символы и их курирующие группы

Любой вид социальной активности, с точки зрения ее наблюдателя, описывается несколькими характеристиками. Во-первых, он может быть более или менее *открытым*, подразумевая под открытостью отсутствие препятствий к его наблюдению. Во-вторых, он может быть более или менее *прозрачным*, подразумевая под прозрачностью понимание его устройства, позволяющее без затруднений интерпретировать происходящее. (Зритель, не знающий правил футбола, но оказавшийся на матче, будет созерцать активность открытую, но для него совершенно непрозрачную; тренер, пытающийся вычислить, какую стратегию его соперник разрабатывает для своей команды, пытается проникнуть в активность, для него полностью прозрачную, но почти целиком закрытую.) Наконец, в-третьих, активность может быть в большей или меньшей степени *релевантной* — затрагивающей те или иные интересы наблюдателя.

История науки была историей того, как ее мир становился все менее прозрачным для внешних наблюдателей, но при этом все более релевантным. Чем более важной становилась наука, тем менее понятной для не-ученых она была. Этот процесс сопровождался трансформацией интеракций между академическим миром и его социальным окружением. Одной стороной этой трансформации было возведение барьеров, надежно отделивших «науку» от «всего остального»¹. Другой, логически дополнявшей предыдущую, — развитие сигнальной системы, позволявшей ученым сообщать не-ученым то, что те считали необходимым до них донести. Академический статус — признание достижений и оценка способностей конкретного индивида коллегами — был одной из вещей, нуждавшихся в особенно эффективной трансляции. Требование ученых к не-ученым распределять вознаграждения и ресурсы, поступающие извне, в соответствии с иерархией научных заслуг, выполнимо лишь

и работа над Российским индексом научного цитирования (РИНЦ). Два первых строятся на суммировании баллов по большому списку разнообразных показателей, призванному нивелировать несовершенство каждого из них в отдельности, о третьем будет сказано еще несколько слов ниже.

¹ O boundary work см. [Gieryn 1983].

в том случае, если не-ученым предоставлены понятные и недвусмысленные указания на то, какова эта иерархия. Академическая автономия предполагает монополию ученых на предоставление информации о том, каков относительный ранг представителей их дисциплины.

Граница, разделяющая отправителей и получателей подобных сигналов, разумеется, проходит не только между теми, кто выбрал для себя академическую карьеру, и теми, кто этого не сделал. Даже внутри отдельных дисциплин мы застаем хаос исследовательских областей и специализаций, представители которых, как правило, совершенно невежественны в отношении характера работы друг друга и нуждаются в подсказках, чтобы оценить, кого им имеет смысл слушать, читать, цитировать, приглашать выступить с докладом или заманивать на освободившуюся позицию на факультете.

Для того чтобы быть действенным, академический статус нуждается в легко транспортабельных в иной социальный или институциональный контекст символах, словарь которых понятен даже тем, кто никогда не узнает, какие заслуги обеспечили обладание ими. Стандартное академическое CV является каталогом таких символов. Степень и учреждение, ее присудившее, профессиональные позиции, которые индивид занимал и занимает, публикации в определенных журналах и издательствах, членство в ассоциациях и посты в их правлениях и редколлегиях журналов, исследовательские гранты, которые он получал (иногда — вместе с их размером в долларах), конференции и семинары, в которых он участвовал, — все это позволяет понять, как его оценивали те, кто имел возможность наблюдать его вблизи. Эти символы обладают разной степенью прозрачности для разных аудиторий — наибольшей для представителей той же или смежной специализаций и далее по убывающей для все более широких кругов публики. Как минимум некоторые из них являются значимыми для большинства взрослых представителей того же общества (например, степень PhD, полученная в Гарварде). Академическая карьера представляет собой историю аккумуляции подобных символов¹, успешное накопление которых гарантирует в дальнейшем значительную финансовую и символическую ренту².

¹ Один из первых советов, которые получил автор в своей академической жизни, звучал так: *Перед тем, как делать что-то, подумайте, как это будет выглядеть в вашем CV*. Жизнь ученого строится так, чтобы быть максимально выгодным для него образом *accountable* в этой литературной форме. Эта часть текста очевидным образом многим обязана работам Гоффмана, Гарфинкеля и Латура.

² Многочисленные исследования по экономике науки посвящены животрепещущему для ученых вопросу о том, насколько эта рента значительна (см. обзор в: [Даймонд 2007 (1993)]). В 1970-е гг.

Символы, однако, не возникают сами собой. Для того чтобы из спонтанного признания ценности сведений и выводов, сделанных другим человеком, возникли недвусмысленные и транспортабельные символы, необходима значительная работа по их кристаллизации. Индивидов, вовлеченных в эту работу, мы можем вслед за Гоффманом назвать *курующими группами* данного символа [Goffman 1951]. Курирующая группа может состоять из одного человека (каждый из нас курирует цитирование в собственных статьях), из нескольких, взаимодействующих на регулярной основе в течение фиксированного периода или неограниченного срока (пример первого — правления профессиональных ассоциаций, пример второго — редакционные коллегии журналов), из нескольких, избираемых ad hoc из определенного бассейна (dissertation committees в США) или из многих независимых друг от друга групп, не связанных между собой (диссертационные советы в России).

Столь же многообразны процессы, в ходе которых кто-то становится обладателем статусного символа. Здесь существуют два полюса, на одном из которых находятся органические процедуры присвоения, иногда полностью слитые с какими-то другими взаимодействиями и даже не воспринимающиеся как самостоятельные события (приглашение участвовать в исследовательском проекте), а на другом — автономные, как правило, снабженные специальным церемониалом (защита диссертаций или выборы в Академию)¹.

Несмотря на это разнообразие, в процессах, в ходе которых индивиды становятся законными обладателями символов академического статуса, наблюдается общая логика. Индивиды инвестируют свои усилия и ресурсы в приобретение символов, которые смогут в дальнейшем с наибольшим успехом послужить им, гарантируя выгодные предложения на рынке труда и внимание коллег к их работе. В свою очередь, курирующие группы отбирают индивидов, которые с наибольшей вероятностью послужат возрастанию ценности присваиваемых им символов.

публикация в лидирующем экономическом журнале увеличивала ожидаемую зарплату в среднем на 100 долларов в год (причем первая такая публикация давала прирост порядка 700 долларов) при средних зарплатах преподавателей-экономистов несколько менее 16 000 [Katz 1973; Tuckman, Leahey 1975]. Исследования «эффекта Матфея» [Merton 1968] столь же наглядно демонстрируют действие символической ренты — оценка того, что сказано, в академическом мире в значительной степени предопределяется статусом того, кто это говорит.

¹ Особое положение занимают индексы цитирования, которые — исключительный случай для академического мира — передают ключевые операции и технологии своего изготовления в руки неспециалистов в той области, которую они описывают, тем самым создавая внедисциплинарную курирующую группу.

Карьера символов требует специального комментария. Словами Гоффмана, символы академического статуса являются плохими его тестами [Goffman 1951]¹. Ценность степени, присвоенной в университете N, определяется тем и только тем, что известно из всех возможных источников о других достижениях получивших ее индивидов. Постоянные перемещения академического персонала между университетами X, Y и Z или появление статей одних и тех же авторов в журналах A, B и C заставляют предполагать, что перед нами университеты и издания приблизительно одного и того же уровня, так что, зная статус какой-то части составляющих этого уравнения, мы всегда можем вычислить значения остальных. Именно благодаря подобным корреляциям мы узнаем, сколько стоит каждый конкретный символ.

Присвоение символа всегда представляет собой сделку, в ходе которой индивид и символ признаются стоящими друг друга. Руками тех, кто их курирует, символы делают ставки на индивидов так же, как индивиды делают ставки на символы². Неудачный подбор носителей способен дискредитировать символ; неудачный подбор символов — дискредитировать их обладателя. Курирующие группы стоят здесь перед решением, аналогичным тому, перед которым стоят претенденты на их символы. При этом принадлежность к курирующим группам сама по себе представляет собой символ академического статуса. Чем выше статус символа, тем выше статус членов группы (быть членом редколлегии главного дисциплинарного журнала несравненно престижнее, чем состоять в той же роли при малоцитируемом журнале; работать на факультете, выпустившим в последние годы целую плеяду молодых гениев, несравненно лучше, чем работать на факультете, который не может этим

¹ Различие «символов» и «тестов» статуса введено Гоффманом в его первой опубликованной статье для того, чтобы указать на многократно использовавшееся им в дальнейшем противопоставление «категориального» и «экспрессивного» значения символов — того, что символы сообщают, и того, что они выдают [Goffman 1959, 1969]. Мобильный телефон, стоящий \$ 2000, и алмазное кольцо за \$ 800 000 являются символами принадлежности к высшему классу, однако, являясь в равной мере его символами, они различаются по своему качеству как его тесты. Телефон представляет собой плохой тест, поскольку может быть куплен в кредит практически кем угодно, и свидетельствует лишь о намерении индивида обозначить свою принадлежность к определенной группе. Как символ, он не защищен от недобросовестного использования в целях введения в заблуждение. Колье не только сигнализирует о намерении, но и представляет собой наглядное доказательство классовой принадлежности своего владельца.

² Подобные обмены, разумеется, не ограничены наукой. Процедура, в ходе которой мужчина обменивает право называть женщину своей женой на аналогичное право для нее называть его своим мужем, ничем не отличается от процедуры, в ходе которой один из соавторов обменивает право использовать чужую фамилию в своем списке публикаций на право использовать его фамилию в чужом.

похвастаться)¹. Постоянство ценности символов академического статуса основывается на системе равновесий, которая создается этой симметрией.

Равновесия в символических системах

Создавать модель обменов между курирующей группой и претендентами на ее символы проще всего, начав с элементарного случая и затем добавляя всевозможные усложнения. Для начала представим себе дисциплинарное сообщество, в котором:

(а) существует полный консенсус относительно того, что считать научным достижением;

(б) в непосредственной аудитории любого ученого автоматически возникает согласие по поводу того, насколько велики его или ее достижения (для наглядности изложения мы будем также предполагать, что размеру достижений могут быть сопоставлены значения интервальной шкалы, скажем, от 1 — самого малого до 10 — самого значительного)²;

(в) существует множество конкурирующих символов академического статуса, причем для любого уровня достижений имеется сколько-то символов, более или менее точно его аппроксимирующих;

(г) эти символы бинарны, т.е. отделяют тех, у кого этот символ есть, от тех, у кого его нет, не устанавливая никаких градаций в степени владения ими³.

Каждый символ рассекает сообщество на две части: верхнюю — тех, кто его получил или мог бы получить, и нижнюю — тех,

¹ Характерно, что многие курирующие группы включают только тех, кто сам обладает соответствующим символом. Принимающие решение о кооптации нового члена в Академию или в профессиональную ассоциацию обычно сами должны быть их членами, так же, как и принимающие решение о приглашении преподавателя на факультет должны быть сами его преподавателями. Эта конфигурация создает очевидный стимул для отбора претендентов, способных украсить собой символ. В целом, однако, отношение, в котором индивидуальные члены курирующей группы состоят к присваиваемому ею символу, широко варьируется, и теория поведения курирующих групп должна включать в себя анализ этих различий.

² Науки в англоязычном мире могут подойти к выполнению этих двух условий, если административное использование индексов цитирования будет нарастать теми же темпами, что и все последние десятилетия, и они превратятся в первичную для любой академической карьеры систему исчисления статуса.

³ Большинство символов академического статуса именно таковы: статья опубликована или не опубликована в данном журнале, степень присуждена или нет. Встречаются, однако, исключения типа символов, допускающих упорядочение индивидов по нескольким ранжированным классам (дипломы с отличием — дипломы без отличия — отсутствие диплома) или даже интервальным шкалам (индексы цитирования, GPA). Эти различия, однако, не затрагивают основную логику модели.

чьих достижений для этого недостаточно (см. рис. 1). Инвестиции индивидов в этой системе будут направлены на приобретение символов, которые стоят так высоко в иерархии, как для них представляется возможным¹. Представим себе исследователя X, достижения которого оцениваются теми, кто входит с ним во взаимодействие, в 6.1 балла. Он подготовил статью, которая может быть принята в три журнала — А, В и С. Про журнал А известно, что он не берет статьи, которые представили авторы с уровнем ниже 5.2, В — ниже 5.9, С — ниже 4.5. Оптимальным для него, разумеется, является журнал В, поскольку появление в нем гарантирует, что рейтинг автора не ниже 5.9. А и С описывают значительно более широкую область, не проводя желательного различия между ним и теми, кто стоит на несколько строчек ниже в академической иерархии.

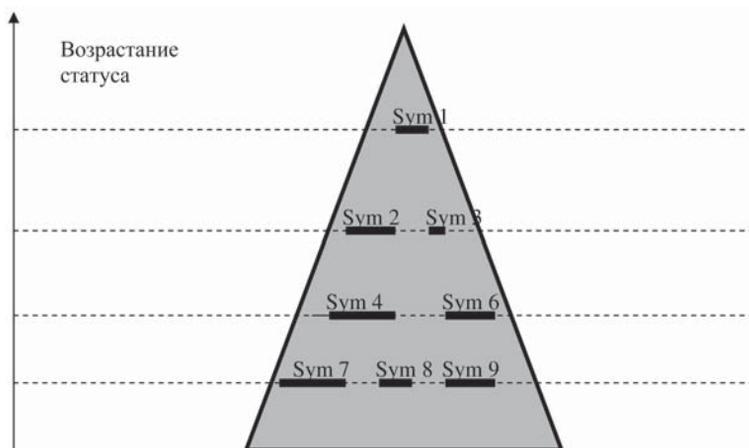

Рис. 1. Элементарная модель идеально консолидированной дисциплины

Дисциплинарное сообщество, для которого выполняются указанные выше условия, вероятно, вскоре придет к *идеально консолидированному состоянию*, которое графически будет характеризоваться параллельностью всех пересекающих сообщество линий. Два символа всегда будут описывать множества, одно из которых будет подмножеством другого. Если статья X может быть принята журналом А, но не может быть принята журналом В, следовательно, журнал В находится выше в иерархии

¹ Эти рассуждения основываются на допущении, что затраты труда на приобретение символа какого-то одного типа (степень, публикация) приблизительно равны: тот, кто может написать статью уровня 7, не выиграет существенно во времени, если напишет текст уровня 6.

академических символов. Обратная ситуация, когда статья, отвергнутая А, была бы принята В, исключается.

Состояние подобной консолидации было бы равновесной точкой в данной системе. Действительно, представим себе, что редакция одного из журналов, оцениваемого на основании предыдущих публикаций как издание шестого уровня, приняла несколько статей, которые не тянут и на четвертый. Поскольку этот факт становится известным его потенциальным авторам шестого уровня, те, вероятно, предпочтут какое-то другое издание, которое более выгодным для них образом отграничивает их от нижестоящих. Журнал, допустивший неразборчивость, фатально проиграет в качестве поступающих в него рукописей, поскольку его ошибкой немедленно воспользуются сохранившие свой уровень конкуренты.

В итоге мы можем ожидать появления жестко стратифицированной журнальной системы, в которой курирующие группы символов высшего уровня получают статьи ото всех, от кого захотят, а все прочие — от тех, кто останется после того, как стоящие выше получают свою долю. Символы де факто отграничивают их носителей не только от стоящих ниже, но и от стоящих выше. В только что использованном примере появление статьи в журнале А будет однозначно интерпретировано как указание на то, что «потолок» автора располагается где-то между 5.9 («стоимость» журнала, в котором он не смог опубликоваться) и 5.2 («стоимость» журнала, который статью все-таки принял¹).

Публикации в периодике являются одним из символов, предложение которых ограничено заранее заданными рамками: например, журнал может опубликовать лишь определенное количество статей. Картина, однако, не меняется существенно, даже когда мы переходим к рассмотрению символов, предложение которых неограниченно. Чисто технически факультет может выдать сколько угодно дипломов или присудить сколько угодно степеней. Но уровень претендентов, которых он получает, все равно ограничен верхней планкой. Расширить спрос в любой момент возможно лишь за счет нижестоящих университетов, однако любой сдвиг в эту сторону немедленно приведет к потере лучших абитуриентов или диссертантов и соответственно к потере статуса преподавательским составом.

¹ Более полная модель должна была бы учитывать, что символы используются для оценки предельного уровня не только индивидуальных достижений, но и их количества. В противном случае для тех, кто опубликовался однажды в лучшем из существующих журналов, не было бы никакого стимула продолжать писать вообще. Это важное соображение было предложено автору Марией Юдкевич (ГУ ВШЭ). Тем не менее для целей данной статьи оно может быть временно отложено в сторону.

Сдвигать планку вниз безнаказанно в подобной системе могут только университеты, и так находящиеся в самом низу иерархии и заведомо согласные вручить диплом любому, кто заплатит за это. Стремясь к максимизации статуса, который можно вычислить на основании находящихся в их распоряжении кристаллических символов, претенденты и курирующие группы создают равновесие, при котором ни один из участников игры не может отклониться от стратегии «выбирать лучший из доступных символов» / «выбирать лучших из возможных претендентов», не ухутив своего положения¹.

Элементарная модель демонстрирует лишь весьма отдаленное сходство с хорошо знакомой нам всем реальностью. Самое очевидное несовпадение состоит в наличии в ней консенсуса по поводу того, что составляет «хорошую работу». Социология, служащая основным источником примеров для данной статьи, часто описывается как конгломерат враждующих «академических банд» [Scheff 1995], не испытывающих к работе друг друга ничего, кроме презрительного неприятия. Наивно надеяться на то, что позитивист лазарфельдовского толка, критический теоретик и этнометодолог легко договорятся до каких-то общих оценок². Более точное графическое отображение системы символов академического статуса должно представлять собой не рассеянный горизонтальными прямыми треугольник, а множество концентрических линий, проходящих по разделенной исходящими из одного центра лучами плоскости. Сектора соответствуют субдисциплинарным областям, исследовательским специальностям и теоретическим направлениям — тем зонам внутри дисциплины, в которых существуют разные представления о том, чем хорошее исследование отличается от плохого.

Здесь мы приходим к возможности нарисовать две совершенно разные схемы, которые будут отображать две разные формы

¹ Эти рассуждения имеют параллели в формальной теории социального статуса, предложенной Джассо [Jasso 2001], которая выделяет следующие его разновидности: (1) индивидуальный, основанный на количественных параметрах (количество денег или, в нашем случае, оценка «профессионального уровня» индивида его/ее непосредственной аудиторией); (2) категориальный, основанный на средних показателях для представителей той или иной социальной группы (гендерной, расовой, группы преподавателей конкретного университета); (3) условно-индивидуальный, рассчитанный на основании принадлежности индивида к категориям. Поскольку информация о принадлежности индивида к расе значительно легче доступна, чем информация о состоянии его банковского счета (или информация об университете, в котором он работает, доступнее, чем информация о его импакт-факторе), в ход часто идут оценки индивидуального статуса, основанные на том, что известно о «таких людях, как он(а)» в целом. Эти оценки не теряют значения, даже когда появляются данные, необходимые для исчисления статуса первого типа.

² Тот факт, что *in situ* им это иногда все-таки удается, служит, возможно, самым сильным аргументом в пользу продолжения занятий социальными науками. То, что подобное невероятное событие случается, доказывает, что в нашем предприятии есть какой-то смысл.

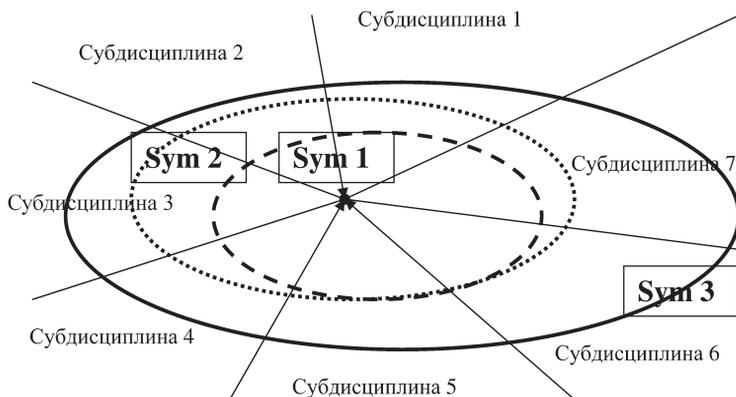

Рис. 2. Идеально консолидированная дисциплина федеративного типа

организации статусной системы дисциплинарного сообщества. Первую из них можно уподобить политической конфедерации, вторую — анархии.

Конфедеративная схема (рис. 2) предполагает, что — невозможным, на первый взгляд, образом — разные сектора дисциплины продолжают использовать одни и те же символы академического статуса. Каждая из этих зон осуществляет селекцию среди стремящихся на освободившиеся места в «центре» дисциплины на основании собственных принципов (гендерные статьи редакция передает рецензентам, известным работами именно в этой области, а гендерные диссертации в западных университетах обсуждают состоящие из гендеристов *dissertation committees*). При этом отсутствие общих критериев совершенства не делает дисциплинарный авторитет зыбким, поскольку сами по себе символы академического статуса, которыми вознаграждаются успешные претенденты, остаются прежними: степень по социологии Ivy League университета или публикация в ASR котируется, в какой бы субдисциплинарной области она ни была получена¹.

Научные революции в этой системе остаются дворцовыми переворотами. Их производят блестящие ученики и младшие

¹ Фактически лицемерие этой системы иногда приводит к подозрениям, что авторитет «центра» не обязательно сделает зыбким отсутствие каких бы то ни было критериев совершенства. Пригодность любого символа в качестве теста академического достижения может определяться исключительно его «конструктивной валидностью» — конвергенцией полученных с его помощью результатов с результатами других подобных тестов. Как показывает пример современной психологии, индустрия тестирований может существовать и развиваться весьма долго в отсутствие сколько-нибудь ясных представлений о том, что же все-таки измеряется тестами. Этим пессимистическим подозрениям трудно что-то противопоставить кроме опыта неожиданного взаимопонимания с членами «конкурирующих банд».

коллеги тех, против чьего научного авторитета они направлены. Фактически развитие успешной «теоретической группы» [Mullins 1977; Wiley 1979] требует контроля над институциональной инфраструктурой, которая ассоциируется с высшим академическим классом: доступа к степеням лучших университетов, публикаций в лучших журналах и т.д. Только те, кто обладает стартовым капиталом всего этого, входя в соответствующие курирующие группы, могут обеспечить продвижение своих сторонников в академической системе и соответственно успех своего движения, и по этой причине они вовсе не заинтересованы в полной аннигиляции своих символических ресурсов.

Схема дисциплинарной анархии гораздо больше похожа на то, что наблюдает российский чиновник, оставленный нами в начале статьи (рис. 3). Разные сектора распределяют разные статусные символы, каждый из которых рассматривается как имеющий какую-то ценность лишь людьми, тесно связанными с курирующей его группой. Остальные отказываются признавать, что обладание ими обязывает их к какому-то почтению к обладателю. В их глазах оно может даже полностью его дисквалифицировать¹. Первая схема выглядит утопичной, но более или менее точно характеризует положение дел в американской социологии. Вторая значительно ближе к российским реалиям. Вопрос, на который требуется дать ответ, состоит в том, что обуславливает большую близость дисциплины в конкретной стране к тому или иному идеальному типу.

Мы можем найти частичный ответ в истории развития дисциплины в границах национальной академической системы. Американская социология развивалась из одного центра, которым на протяжении десятилетий был Чикагский университет [Wiley 1979; Abbot 1995]. В Чикаго возник не только первый факультет социологии в Новом Свете², но и первый журнал (*American Journal of Sociology*) и первая профессиональная ассоциация (*American Sociological Society*, ныне — *American Sociological Association*). Лидирующие позиции в них долгое время занимались одними и теми же людьми, работавшими в Чикагском университете, с другими университетами на ролях младших

¹ *Человек, который защитился в совете у N, ... ну, может он и нормальный... но я боюсь, что он такой же сумасшедший — у N в основном защищаются его ученики, а это, мягко говоря [ухмылка], о многом говорит. Ср.: Западные степени — это хорошо и прекрасно, но надо еще знать российские реалии, надо много лет потратить на их изучение, а не сразу, вернувшись оттуда, начинать учить всех. Знание западной теории важно, но надо уметь ее адаптировать, вот. Сама по себе западная степень еще не сделает хорошего социолога, в России по крайней мере.*

² Не считая почти сразу исчезнувшего факультета в Канзасе, о существовании которого историки социологии вспомнили лишь несколько десятилетий спустя [Becker 2001].

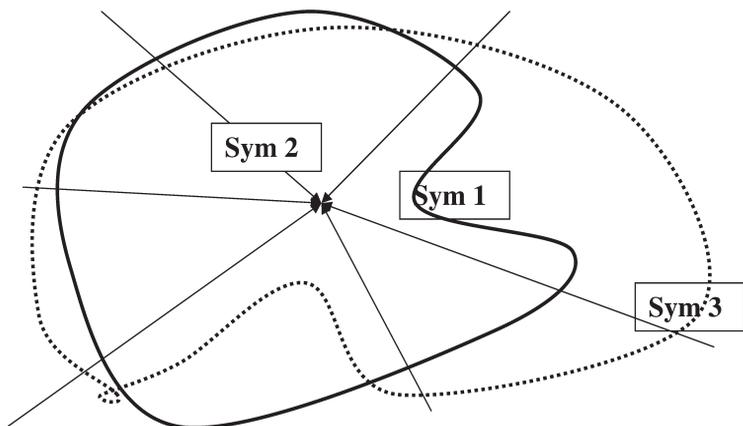

Рис. 3. «Анархическая» дисциплина с неконсолидированной статусной системой

партнеров. Первые интеллектуальные оппозиции (сторонники этнографических case studies против более ориентированных на статистику исследователей) возникли внутри этой малой группы, члены которой курировали одни и те же символы. Относительная потеря влияния Чикаго в 30-х и выход на первый план Колумбийского университета и Гарварда сопровождалась скорее постепенным переходом к последним контроля над этими символами, чем созданием новых, поскольку оппозиционеры успели уже инвестировать в их приобретение годы упорного труда.

Заманчиво объяснить развитие конфедеративного устройства дисциплины сравнительной гладкостью этого пути. Некоторые другие случаи, однако, заставляют нас отказаться от взгляда на историческую траекторию как на единственный имеющий значение фактор. Одновременно с институционализацией американской социологии происходила великая трансформация американской медицины, описанная Полом Старром [Starr 1982]. Ее состояние в середине XIX в. способно вызвать у современного российского читателя слезы радостного узнавания. В книге Старра он найдет и diploma mills, соревнующиеся за то, чтобы присвоить степень доктора медицины в кратчайшие сроки (с рекордом в полгода заочного обучения), и множество конкурирующих школ, каждая из которых с собственной теорией, объясняющей все недуги одной причиной и прописывающей от них одно универсальное лекарство (одной из таких панaceй была ртуть), и национальные ассоциации, неспособные убедить хотя бы малую часть коллег заплатить членские взносы, тем более признать необходимость следования каким-то профессиональным нормам.

За четыре десятилетия, прошедшие между 1880 и 1920 гг., из этого хаоса возникла сплоченная профессиональная корпорация с единой, универсально признаваемой статусной системой, которая оказалась способной отстаивать свою автономию перед лицом правительства и крупнейших корпораций. Старр идентифицирует несколько причин, стоявших за этим изменением:

(1) громкий успех, который имели опыты по вакцинации и другие достижения в той области, которая постепенно стала медицинской наукой;

(2) связанная как с ними, так и с изменением законодательства мощная грантовая поддержка ведущих исследовательских университетов со стороны магнатов типа Рокфеллера;

(3) экономический рост и увеличение платежеспособного спроса на услуги профессиональных медиков, причем спроса, который ориентировался на дипломы исследовательских медицинских школ как на стандарт качества.

Вместе эти факторы позволили группе медиков, работавших в исследовательских университетах, утвердить свое доминирование в профессии и вынудить остальных принять их стандарты¹.

Противоположным примером может служить советская социология, оказавшаяся, с точки зрения статусной организации, в конце XX в. примерно там, где находилась американская медицина во второй четверти XIX в. Парадоксальным образом, ее развитие до конца 1980-х гг. больше напоминало социологическую, а не медицинскую историю, рассказанную выше. Вскоре после создания социология в СССР приобрела бесспорный организационный центр (Институт конкретных социальных исследований АН, между 1968 и 1972 гг.), в котором работало значительное большинство ее лидеров, занимавших также ключевые посты в Советской социологической ассоциации и поставлявших значительную долю статей в единственный социологический журнал «СОЦИС» (после 1974 г.). Внутри дисциплины существовали общепризнанные авторитеты, ведущее положение которых никто не оспаривал². Единственным сбоем, наметившимся в работе статусной системы, было

¹ Им удалось, например, вначале сделать в глазах масс потребителей принадлежность к контролируемой ими Американской медицинской ассоциации основным сертификатом качества медицинских услуг, а затем поставить условием членства в ней шесть лет медицинского образования по одной из одобренных Ассоциацией же университетских программ.

² Эти люди по-прежнему составляют большинство тех, кто пользуется общенациональной известностью. Интересно, что их виденье прошлого советской социологии и роли, которую каждый из них сыграл в развитии науки (несмотря на разделившие их позднее идеологические конфликты), осталось одинаковым (ср., например, интервью Осипова, Ядова и др. в: [Батыгин 1999]).

присвоение степеней: многие из пользовавшихся несомненных признанием исследователей так и не обзавелись ими, а многие из идеологических кураторов социологов, напротив, сделали это. В общем и целом, однако, ничто не предвещало случившегося потом. Начальная точка еще не определяет всю траекторию.

Другой ответ на вопрос о причинах, обуславливающих развитие одного из типов статусной организации, отсылает нас ко второму фундаментальному упрощению, заложенному в идеальной модели. Она имплицитно предполагает, что присвоение символа мотивировано только соображениями наращивания своего кристаллического статуса претендентом, с одной стороны, и курирующей группой — с другой. Очевидно, однако, что в любом реальном акте такого рода передача символа является лишь одним из измерений обмена. Университет не просто присваивает степень, он ее продает заплатившим за образование, а научные руководители чаще всего возятся со студентами не потому, что хотят способствовать их профессиональному росту, а потому, что, откажись они делать это, их просто уволят.

Обмен может быть — и обычно бывает — асимметричным, с разными сторонами, вносящими разные ресурсы. Возьмем использовавшийся выше пример соавторства. Каждый из авторов передает другому права на использование своего имени в чужом списке публикаций. Когда эти имена неравноценны, мы предполагаем, что мезальянс компенсировался инвестициями другого рода: младший автор проделал большую часть работы по сбору данных для теории старшего, или аспирант выдал отличную идею, а научный руководитель своим именем обеспечил им публикацию в высокоцитируемом журнале, или шеф нашел деньги под проект, в рамках которого были получены результаты¹.

Назад, к российскому случаю

Главное российское затруднение, которому посвящена эта статья, имеет свои истоки как раз в преобладании асимметричных обменов, при которых символы академического статуса или

¹ Мертон [Merton 1968] указывал, что слава при этом также диспропорционально достается обладателю более известного имени (книга Латура и этого... как его?). Младший партнер, однако, также получает существенные выгоды именно благодаря фоновому знанию о том, как устроены подобные обмены. Указав совместную работу с Робертом Мертоном в своем списке публикаций, мы ставим под сомнение, что в состоянии были внести достаточные дополнительные инвестиции, чтобы заставить Мертона, имевшего значительный выбор потенциальных соавторов, предпочесть именно нас. Каковы бы ни были эти инвестиции: трудолюбие, оригинальность, эрудиция или (если наблюдатель опускается до циничного академического фольклора) сексуальная привлекательность — в нас явно что-то есть.

попросту продаются членами курирующей группы, или раздаются как можно большему количеству претендентов, поскольку акт передачи сопровождается выплатами от третьей стороны¹, или становятся предметом бартера без всякого внимания к качеству работы (*наша кафедра всегда писала положительные отзывы дипломникам N., так что он теперь мне вроде как должен... положительный отзыв на диссертацию*). Вопрос об организации системы статусных символов, таким образом, приводит нас к исследованию эффективности сдержек и противовесов, предназначенных для того, чтобы сделать подобное распоряжение ими нерациональным. Действительно, каковы же условия, заставляющие курирующие группы воздержаться от перспективы превращения символов, находящихся в их распоряжении, в источник быстрого обогащения, хотя бы и ценой их скорой инфляции?

На основании предложенной выше модели мы можем идентифицировать несколько подобных критериев.

А. Для того чтобы кристаллические символы имели существенное значение, должен существовать достаточно объемный и предпочтительно географически протяженный рынок труда со свободным перемещением рабочей силы. В сети, где все всех знают, потребность в формальных сертификатах достижения невелика: в любом случае, все и так представляют себе, кто чего стоит. Наши credentials становятся важны, когда мы соприкасаемся с людьми, которые будут ориентироваться на них, решая, как им себя с нами вести.

В. Должна существовать высокая степень конкуренции между курирующими группами, предлагающими свои символы. Статус символа не должен быть зафиксирован так, чтобы неудачное распоряжение им могло привести к быстрой и бесповоротной потере его ценности.

С. Система рент, выплачиваемых за обладание символом, должна быть достаточно стабильна, а доходы от нее даже на низших уровнях — достаточно велики, чтобы допустить инвестирование в достижения, способные окупиться лишь в неопре-

¹ Бюджетное финансирование факультета в государственном вузе определяется количеством обучающихся на нем. Основным аргументом при переговорах с министерством о расширении приема является конкурс. По причинам, находящимся за рамками данной статьи (см. [Соколов 2007]), в российских условиях снижение требований к учащимся является наиболее надежным способом увеличения конкурса на факультетах социального профиля. Это положение делает стратегию diploma mills единственной реалистичной для них. В довершение всего, надо добавить, что отчисление уже принятых студентов неизбежно влечет за собой сокращение доходов — во-первых, потому, что сокращает количество учащихся и соответственно финансирование, и, во-вторых, потому, что министерство рассматривает значительный отсев как достаточное основание для сокращения бюджетных мест.

деленном будущем. Временной горизонт агентов не должен быть ограничен необходимостью выживать здесь и сейчас [Соколов, в печати].

Д. Не-символические селективные выгоды для членов курирующих групп должны быть минимизированы действующим институциональным устройством. В самой очевидной форме это значит, что передача символов в распоряжение других людей не должна быть предметом сдельной оплаты.

Мы видим, что ни одно из этих условий не выполняется в России в полной мере. Общенациональный рынок труда и общенациональный рынок символов существуют лишь в предельно редуцированной форме. Чертой, наложившей свой отпечаток на развитие российской науки, являлась исключительно низкая, по западным меркам, географическая мобильность отечественных ученых. Острый жилищный дефицит советского времени и запредельно высокие относительно средних доходов ученых цены на жилье в постсоветской России в сочетании с малоэффективными институтами рынка недвижимости существенно сужают выбор как возможных работодателей, так и доступных символов.

Примерно половина существующих в стране университетских программ по социологии являются единственными таковыми в своем городе, и только в Москве и Петербурге есть по несколько диссертационных советов, исследовательских организаций и периодических изданий¹. Переезд в другой город является в российских условиях весьма сложным и дорогостоящим предприятием, и работодатели и курирующие группы, локализованные там же, где и претендент на статусный символ, имеют поэтому огромные преимущества. Их поведение значительно меньше подвержено влиянию конкуренции, чем это предполагает изложенная выше модель. Вместо одного общенационального мы имеем множество локальных монополистических рынков².

¹ В 2006 г. 98 университетов выпускали бакалавров или специалистов-социологов. Из этих 98 в Москве было расположено 14, в Петербурге — 7, в Новосибирске — 4, в Казани и Перми — по 3, и в еще десяти городах существовало по две программы.

² Примером институционального устройства, способствующего консервации такого положения вещей, является политика многих университетов, не взимающих плату за защиту со своих бывших выпускников. Учитывая значительность суммы (до \$ 3000 в ценах 2008 г.), это гарантирует диссертационным советам некоторое количество защит, которые в иных условиях могли бы состояться в любом другом вузе. Рассматриваемая обычно как благотворительная мера, эта практика фактически гарантирует факультету, что сквозь него пройдет некоторое количество диссертаций вполне приличного уровня и полной инфляции соответствующей степени не произойдет.

Интересным следствием всего этого оказывается территориальная сегментация дисциплины, при которой основные линии ее внутреннего деления проходят не между субстанциональными

Следствием для индивидов оказывается относительная нерентабельность вложений в кристаллические символы. Будучи запертыми на локальном рынке труда, они могут значительно больше выиграть от выстраивания отношений с конкретными деканами, чем от накопления символов, способных произвести положительное впечатление на каких-то других деканов в других городах. Следствием для курирующих групп является то, что они могут увеличивать сбыт символов за счет снижения требований к уровню достижений, не опасаясь оттока наиболее квалифицированных претендентов, поскольку этот отток потребовал бы от тех огромных дополнительных издержек.

Вернемся к нашей схеме, линия расщепления которой может быть сколь угодно далеко сдвинута вниз без потери верхнего сегмента потенциальных потребителей. Символы, таким образом, перестают однозначно обозначать какой-то уровень академических достижений. Одну и ту же степень получают и на одном и том же факультете работают ученые как самые лучшие, так и крайне посредственные.

Символы не могли потерять своей ценности вовсе еще и потому, что некий минимальный порог их рентабельности защищен институциональным устройством, гарантирующим надбавки и разряды за степень и делающим обладание ими обязательным условием занятия определенных позиций. Это устройство создавало и продолжает создавать минимальный платежеспособный спрос, готовность удовлетворять который подкрепляется еще и многочисленными вознаграждениями за каждую конкретную операцию присвоения символа. Так, научное руководство аспирантом засчитывается в качестве педагогической нагрузки в объеме 50 часов в учебный год, его защита приближает руководителя к званию профессора или ведущего научного сотрудника, добавляет институту баллов по министерскому «показателю результативности» («количество аспирантов, защитившихся в течение года после окончания аспирантуры») и снижает вероятность расформирования диссертационного совета. Ничто, кроме смутных моральных сомнений, не удерживает членов кури-

областями или теоретическими направлениями, а между локальными группами. Этот паттерн вполне очевиден на примере еще советской социологии с ее «ленинградской», «новосибирской», «пермской» и другими школами, между которыми не существовало выраженных интеллектуальных разногласий, но которые, тем не менее, обладали сильной лояльностью к своим лидерам (лучшее описание динамики таких школ в интервью Татьяны Заславской [Батыгин 1999: 142–155]). Сектора, которые на рис. 2 соответствуют субдисциплинам, на рис. 3 преимущественно указывают на группы с территориальной и институциональной (РАН, вузы Минобра и т. д.) привязкой.

рующих групп от расширения числа получивших их символ. И хотя сомнения иногда (чаще, чем сугубо утилитаристская теория заставляет нас предполагать) берут верх, их оказывается недостаточно, чтобы развернуть вспять общее движение системы¹.

Вместо заключения

Добравшись до этого места в своих рассуждениях, наш чиновник не может не задаться несколькими новыми вопросами.

1. Может ли считаться рассмотренная им ситуация в социологии типичной для постсоветской науки? Возможно, в других дисциплинах — не только естественных, но и социальных — дело обстоит благополучнее, будь то за счет особенностей исторической траектории или внутренне присущих им более определенных критериев научного достижения.

2. До какой степени это положение вещей определяет отставание российской науки, и, что еще более важно, каков прогноз на случай, если государство в его лице полностью устранился от проведения институциональных реформ? Если эволюция статусной системы продолжится в том же направлении, в котором она совершалась последние годы, то где российские социальные науки окажутся через 10 лет?

3. Если он все-таки придет к выводу, что должен предпринять решительные шаги, то существуют ли символы академических достижений, на которые он может опереться как на надежные и неподверженные инфляции, пусть даже в качестве временной меры?

4. Если единственным выходом будет создание новых символов академического статуса, то можно ли сконструировать такую их систему, которая, во-первых, не допускала их покупки или обмена, во-вторых, наилучшим образом поощряла бы интеллектуальные достижения, в-третьих, внедрение которой не было бы заблокировано оппозицией, владеющей циркулировавшими ранее символами?

На все эти вопросы автор данной статьи признает себя бессильным ответить. Дело за читателем.

¹ Картина дополняется тем, что диссертационные советы присваивают одну и ту же степень, эквивалентность которой установлена законодательством, создающим тем самым очаровательный пример «дилеммы общинных пастбищ». Отдельный совет, повышая требования к диссертанту, не может ни изменить общей ситуации, ни даже улучшить репутацию своих членов. Он может лишь сократить количество защит, приблизив себя к расформированию.

Благодарности

Среди многих людей, которые щедро делились с автором идеями и сведениями, легшими в основу этого текста, он хотел бы специально поблагодарить Даниила Александрова, Виктора Воронкова, Владимира Гельмана, Катерину Губу, Елену Здравомыслову, Кирилла Титаева, Юргена Фельдхоффа и Марию Юдкевич.

Библиография

- Батыгин Г.С.* (ред.) Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах. СПб., 1999.
- Даймонд А.* Поведение университетов и ученых: Экономическое объяснение // Семенова М. (ред.) Экономика Университета: Институты и Организации. М., 2007 (1993). С. 8–47.
- Калимуллин Т.* Российский рынок диссертационных услуг // Экономическая социология. 2006. № 7 (1). С. 14–37.
- Министерство образования и науки РФ. Доклад о результатах и направлениях деятельности на 2008–2010 годы. 2007. <<http://www.mon.gov.ru/work/itog/>>.
- Соколов М.* Российская социология после 1991 года: Интеллектуальная и институциональная динамика «бедной науки» // *Laboratorium*. Журнал новых социальных исследований. №1. 2008 (в печати).
- Соколов М.* Реформируем ли соцфак МГУ? Некоторые институциональные препятствия на пути студенческой революции. 2007. <www.POLIT.ru/story/sozfak.html>.
- Abbott A. (with E. Gaziano).* The Second Chicago School / Ed. by G.A. Fine. Chicago, 1995.
- Alatas S.F.* Academic Dependency and the Global Division of Labour in the Social Sciences // *Current Sociology*. 2003. 51 (6). P. 599–613.
- Becker H.* The Chicago School, So-Called. 2001. <<http://home.earthlink.net/~hsbecker/chicago.html>>.
- Gieryn Th.* Boundary Work and Demarcation of Science from non-Science: Strains and Interests in Professional Ideologies of Scientists // *American Sociological Review*. 1983. 48 (6). P. 781–795.
- Goffman E.* Symbols of Class Status // *British Journal of Sociology*. 1951. 11. P. 294–304.
- Goffman E.* The Presentation of Self in Everyday Life. New York, 1959.
- Goffman E.* Strategic Interaction. Philadelphia, 1969.
- Jasso G.* Studying Status: An Integrated Network // *American Sociological Review*. 2001. 66 (1). P. 96–124.
- Katz D.* Faculty Salaries, Promotion and Productivity in a Large University // *American Economic Review*. 1973. Vol. 63. No. 3. P. 469–477.
- Merton R.K.* The Mathew Effect in Science // *Science*. 1968. 159. P. 56–63.

- Mullins N.* Theories and Theory Groups in Contemporary American Sociology. N.Y., 1977.
- Scheff Th.* Academic Gangs // Crime, Law and Social Change. 1995. 23. P. 157–162.
- Starr P.* The Social Transformation of American Medicine. Basic Books, 1982.
- Tuckman H., Leahey J.* What Is an Article Worth? // The Journal of Political Economy. 1975. 83 (5). P. 951–968.
- Wiley N.* The Rise and Fall of Dominating Theories in American Sociology // Snizek W.E., Fuhrmann E.F., Miller M.K. (eds.) Contemporary Issues in Theory and Research. Westport, 1979. P. 49–78.